

Лингвистика

УДК 81

В.С. Савельев

ДРЕВНЕРУССКИЕ КОМПЛЕКСНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ХОДЫ С ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ И ОБЩИМИ ИЛЛОКУТИВНЫМИ ФУНКЦИЯМИ (НА МАТЕРИАЛЕ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»)

В статье анализируются два типа реплик-высказываний, обнаруживаемых в диалогических фрагментах древнерусской летописи «Повесть временных лет»: комплексные речевые ходы, глобальная иллокутивная функция которых не тождественна сумме иллокутивных функций речевых шагов (комплексные речевые ходы с дополнительными иллокутивными функциями), и комплексные речевые ходы, представляющие собой полипредикативные конструкции, части которых не обладают иллокутивными функциями (комплексные речевые ходы с общими иллокутивными функциями). Устанавливаются закономерности в употреблении комплексных речевых ходов в определенных иллокутивных функциях, связанные с синтаксическим строением используемых конструкций и местом, занимаемым репликой в диалогическом фрагменте (инициальные и реактивные реплики), а также их способность выступать в качестве иллокутивно монофункциональных и иллокутивно полифункциональных высказываний. Определяются разновидности комплексных речевых ходов, употребляемых как прямые и косвенные речевые акты.

Ключевые слова: древнерусский дискурс, комплексные речевые ходы.

1. К постановке проблемы

Основным источником наших представлений о древнерусском дискурсе является «Повесть временных лет» (далее – ПВЛ) – древнейшая восточнославянская летопись, содержащая в своих годовых записях не только нарративные части, но и диалогические фрагменты. В них мы обнаруживаем монологи, диалоги и полилоги, в которых принимают участие коммуниканты, отличающиеся друг от друга по целому ряду параметров (национальность, возраст, гендерная принадлежность, конфессиональная принадлежность, принадлежность к определенному социальному кругу). Безусловно, реплики, произносимые ими, включены в текст летописцем, который подверг их определенной трансформации, но данный фактор, на первый взгляд, удаляющий нас от реального дискурса, в то же время позволяет нам понять, каким представлением о коммуникации обладал создатель ПВЛ.

Реплики, произносимые героями ПВЛ, весьма разнообразны: их структура зависит от того, какие коммуникативные задачи решает говорящий, в какой тип диалога он вступает, кто является его адресатом, является ли коммуникация контактной или дистантной, каковы материальные условия коммуникации – обо всех этих характеристиках коммуникативного события мы узнаем чаще всего из слов повествователя в рамочной конструкции, части которой предвеляют и заключают высказывания говорящих. Диалогические фрагменты могут включать в себя различное количество речевых ходов¹. Речевой ход может состоять из одного монопредикативного речевого шага² (далее – РШ), в этом случае он является элементарным (см. фрагмент 1а). В том случае, если речевой ход включает несколько РШ или один полипредикативный РШ, он является комплексным (далее – КРХ; см. фрагменты 1б и 1в).

(1)³ (а) И сѣде Улегъ княжа в Киевѣ, и рече Улегъ: (1) «(1.1) Се вѣди мѣ городоу рѣскимъ» (6390 / 882), (в) И рече емю воевода штенъ и Гвѣнгелдъ: (1) «(1.1) Понди, княже, школо на коне^х, (1.2) стоятъ во

¹ Речевой ход – реплика-высказывание одного говорящего, границы которой определяются сменой субъекта речи.

² Речевой шаг – высказывание говорящего, обладающее как минимум одной иллокутивной функцией и используемое в качестве автономной реплики или входящее в состав автономной реплики наряду с другими речевыми шагами. Подробнее о понятиях *речевой ход* и *речевой шаг* см. в [1-5].

³ В качестве материала нашего исследования мы используем текст ПВЛ по Ипатьевской летописи, воспроизведенный в издании [6]. В разбивке на слова мы в основном следовали изданию [6], произведя при этом разбивку текста на предложения и используя пунктуационные знаки, отсутствующие в ПВЛ, в соответствии с современными нормами. В скобках после примера указывается год, под которым помещен цитируемый фрагмент (по принятому в ПВЛ византийскому летосчислению, ведомому от сотворения мира, и летосчислению от Рождест-

печенѣзи в порозѣхъ». И не послуша^{ше} его и поиде въ лодыахъ (6479 / 971), (в) Вѣлдимеръ же, въздѣхнувъ, рече: (1) «(1.1) Дѣбро сим ѡдесноую, горѣ же сим ѡшоуюж» (6494 / 986).

Отношения между РШ, составляющими КРХ, могут строиться по-разному.

В одних случаях коммуникативная задача героя ПВЛ, произносящего какую-либо реплику-высказывание, сводится к иллюкутивной функции (далее – ИФ) одного из РШ: данный КРХ можно было бы редуцировать до элементарного речевого хода, состоящего исключительно из этого РШ. В подобных КРХ между РШ, их составляющими, существуют отношения иллюкутивного неравенства: один из РШ является основным, а остальные – дополнительными, играющими вспомогательную роль. Так, во фрагменте 1б основным является РШ 1.1, обладающий ИФ «призыв к действию»; РШ 1.2, безусловно, коммуникативно значим (он позволяет говорящему мотивировать необходимость выполнения действия, к которому он призывает собеседника в РШ 1.1), однако, если его опустить, оставшаяся часть позволит говорящему выразить его коммуникативное намерение.

Иначе строятся отношения между РШ, составляющими КРХ во фрагменте 1в: эти РШ обладают одной и той же ИФ «оценочное суждение», предикативные единицы (далее – ПЕ), которыми они выражены, обладая тождественной синтаксической структурой, соотносятся друг с другом. Каждый из этих РШ значим в равной степени, и нельзя утверждать, что один из них является основным, а другой – дополнительным: между этими РШ существуют отношения иллюкутивного равенства.

В данной статье будут рассмотрены два типа КРХ, в состав которых входят РШ, связанные отношениями иллюкутивного равенства. Их особенностью является то, что глобальная иллюкутивная функция (далее – ГИФ) этих КРХ не сводится к простой сумме ИФ РШ, их составляющих (как это происходит с ГИФ КРХ во фрагменте 1в).

2. КРХ с дополнительной иллюкутивной функцией

В ПВЛ обнаруживаются КРХ, ГИФ которых представляют собой соединение ИФ отдельных РШ и некоторой дополнительной ИФ, определение которой зависит от ряда причин. Основной из них является то, является ли данный КРХ инициальной или реактивной репликой.

2.1. Инициальные КРХ с дополнительной иллюкутивной функцией. Дополнительные ИФ инициальных КРХ выводятся на основе оценки релевантности произнесения реплики.

(2) (а) И посла Ядрополкъ искатъ, и волочиша трупѣе изъ гробли ѿ оутра и до полудни, и налѣзоша исподи ѡлга подъ трупѣемъ, и внесъше, положиша и на коврѣ. И приде Ядрополкъ надъ шнь и плакаса, и рече Свенгелду: (1) «(1.1) Вижь, (1.2) иже ты сего хоташе» (6485 / 977), (б) И оумножишася разбоевѣ, и рече епѣпъ Володимеру: (1) «(1.1) Се оумножишася разбойници. (1.2) Почто не казниши?» Шн же рче: (2) «Богася грѣха». Шни же рѣша ему: (3) «<...> Достонитъ ти казнити разбойника, нъ съ испытаниемъ». Во^лдимеръ же ѡвѣргъ виры и нача казнити разбойники (6504 / 996), (в) И рѣша, пришедъша, послании к немю, тако: (1) «(1.1) Паде жреви на снѣ твои, (1.2) изволиша во и вѣи себѣ. (1.3) Да створи^м требу вѣгомъ». И рече варангъ: (2) «Не сѣ^т то вѣи, но древо. <...> Не дамъ снѣ своего вѣсо^м» (6491 / 983), (г) Паки же брата свога выгнаста и, и ходи по чужей землѣ, блудѣ. И сѣдашцѣ ему паки на своемъ столѣ, всеволоду пришедшу повѣжену к немю, нарече ему: (1) «Колко подыахъ ѿ ваю?» зла за зло, но чѣши <...> Не рече бо ему: (2) «(2.1) Колко зло створиста мнѣ, (2.2) и се ннѣ товѣ са приключи», не рече: (3) «Сего кромѣ мене», но на са перега печаль братню (6586 / 1078).

Во фрагменте 2а ИФ РШ 1.1 представляет собой «призыв к действию», ИФ РШ 1.2 – «сообщение о бывшем (напоминание)». Говорящий апеллирует к когнитивной базе собеседника: осуществление желания Свенгельда привело к ужасным, не требующим описания словами последствиям (достаточно увидеть, к чему и призывает его кн. Ярополк). Таким образом, говорящий упрекает собеседника в произошедшем, и ИФ «оценочное суждение-осуждение (упрек)» является дополнительной ИФ данного КРХ.

Во фрагменте 2б РШ 1.1 обладает ИФ «сообщение о бывшем (напоминание)», а РШ 1.2 – ИФ «требование информации». Можно предположить, что говорящий не только интересуется причинами

ва Христова). В рассматриваемых примерах используются цифровые обозначения: (1), (2), (3) и т.д. указывают начало речевых ходов, (1.1), (1.2), (1.3) и т.д. – начало речевых шагов или частей комплексного речевого хода.

поступков кн. Владимира, но, упоминая пагубные последствия его бездействия, упрекает князя: КРХ епископа должен дать понять князю, что говорящий хочет, чтобы тот приступил к решительным действиям. Та же дополнительная ИФ обнаруживается и в следующем КРХ инициатора коммуникации (см. КРХ 3), и в конечном итоге кн. Владимир начинает совершать действия, к которым его призывают. Таким образом, КРХ 1 обладает двумя дополнительными ИФ – «оценочное суждение-осуждение (упрек)» и «призыв к действию».

Во фрагменте 2в РШ 1.1 и РШ 1.2 обладают ИФ «сообщение о бывшем», а РШ 1.3 – ИФ «сообщение о намерении». В этом КРХ не обнаруживается РШ, в котором говорящий призывает бы собеседника отдать сына на жертвоприношение, но, оценивая релевантность сказанного, тот понимает, что именно ради этого произносится реплика, и его ответные слова «**Не дамъ сѣа своего вѣсо^а**» показывают, что он правильно установил дополнительную ИФ КРХ 1 «призыв к действию».

В отличие от фрагментов 2а–2в, в которых все РШ выражены прямыми речевыми актами (далее – ПРА), один из РШ фрагмента 2г представляет собой косвенный речевой акт (далее – КРА): задавая информативный вопрос «**Колко зло створиста мнѣ?**», говорящий в действительности напоминает собеседнику о бывшем ранее и в то же время упрекает его в совершении несправедливого поступка. Таким образом, РШ 2.1 в процессе одного локутивного акта используется одновременно в двух ИФ – «сообщение о бывшем (напоминание)» и «оценочное суждение-осуждение (упрек)» – и, следовательно, является иллокутивно полифункциональным, в отличие от тех РШ, которые в процессе одного локутивного акта реализуют только одну ИФ и являются иллокутивно монофункциональными⁴. Именно так следует характеризовать РШ 2.2 того же КРХ: говорящий использует его в функции «сообщение о бывшем (напоминание)».

Зачем же говорящий напоминает собеседнику о двух произошедших событиях? Соотнося их, тот должен вывести импликацию: тот, кто поступил плохо, вправе ожидать, что с ним может произойти то же самое – зло возвращается к породившему зло. И тут уместно упомянуть, что в действительности рассматриваемый КРХ не произносился (см. препозитивную часть рамочной конструкции «**не рѣе бо емү**»). Летописец вспоминает кн. Изяслава как князя-христианина, не только простившего, но и утешившего своего пострадавшего брата, который ранее выступал его гонителем. В связи с этим становится понятно, что упоминание «непроизнесения» КРХ 2 позволяет летописцу восхвалить кн. Изяслава (тот мог бы так сказать, но не сказал), следовательно, сам по себе КРХ 2 оценивается им отрицательно: это не мудрое изречение, базирующееся на житейском опыте, а злорадная насмешка, выражающая радость говорящего от того, что его собеседнику плохо. Таким образом, дополнительной ИФ КРХ 2 является «насмешка».

2.2. Реактивные КРХ с дополнительной иллокутивной функцией. Дополнительные ИФ реактивных КРХ устанавливаются прежде всего на основе соотнесения данных КРХ и предшествовавших им реплик.

(3) (а) Володимиръ же слү^{ша}ше ихъ, вѣ бо самъ любаше жены и бл^женне многое, и послүшаше сладко. Но се вѣ емү не любо: вѣрѣзание оудов^ъ и в гаденьи свиныхъ масть, а в питьи штинүдь рекъ: (1) «(1.1) Рүси веселье питье, (1.2) не м^{ож}емъ без того быти» (6494 / 986), (б) Унъ же рѣе: (1) «То где есть земля ваша»? Уни же рѣша: (2) «Въ Иер^лмѣ». Унъ же рѣе: (3) «То тамо ли есть?» Уни же рѣша: (4) «(4.1) Разъгнѣвалъса Бѣ на ш^тци на^ш (4.2) и расточи ны по страна^м грѣхъ ра^д нашихъ, (4.3) и предана бы^т земля наша хр^ттыаном^ъ» (6494 / 986), (в) Унъ же рѣе има: (1) «Лжють вама вѣзи ваши». Уна же рекоста: (2) «(2.1) Нама пре^дстати предъ Стѣославомъ, (2.2) а ты намъ не можеши створити ничтоже» (6579 / 1071), (г) Стѣополкъ же нача свирати воѣ, хотѣ на нѣ. Ї рѣша емү мүжи смысленѣи: (1) «Не күшанса противү имъ, тако мало имаши вон». Ун же рѣе имъ: (2) «(2.1) Имѣю штрокъ своихъ .ї. сотъ, (2.2) иже могутъ противү имъ стати» (6601 / 1093), (д) И начаша братья просити Стѣфа деместъ^{на} ника, сүща тогда оученника Федосьева, глуще, тако: (1) «Се съ есть въздраслъ подъ рүкою твоею и в тебе послүжилъ есть. Сего нынѣ вдан». Рече же имъ Федосии: (2) «(2.1) Се азъ по Бжюю повелению нареклъ вѣхъ ва^м Іакова. (2.2) Се же вы своею волею створити хочете». И послүшавъ ихъ, и предасть имъ Стѣфа^{на}, да бѣдетъ имъ игүмень (6582 / 1074), (е) Стѣополкъ же хоташе повѣгнүти ис Кыева, и не даше

⁴ Подробнее об иллокутивной моно- и полифункциональности см. в [7].

ему кнгане повѣгнѣти, но послаша Оусеволожую и митрополита Николу къ Володимеру, глща: (1) «Молимса, княже, тобѣ и братома твоима: не можѣте погубити Р҃чьскон земли. Аще во возмете рать межю собою, погани имѣтъ радоватиса и возмѣтъ землю нашу, юже вѣша стажали ваши дѣди ꙗко ѿци ваши трудомъ великимъ и хороборствомъ, поварающе по Р҃чьскон земли, а ныи земли прискаху. А вы хочете погубити Р҃чьскую землю». <...> И се слышавъ, Володимеръ расплакася: (2) «(2.1) Понстинѣ ѿци наши и дѣди наши соблюдоша Р҃чьскую землю, (2.2) а мы ю хочемъ погубити». И преклониса на молбу (6605 / 1097), (ж) И рѣче князь печенѣжскыи: (1) «А ты князь ли еси?» Унѣ же рѣче: (2) «(2.1) Азъ есмь мужь еѣ (2.2) и пришедь есмь въ сторожехъ, (2.3) а по мнѣ идетъ вон вещьисленое множество». Се же рѣче, грозда имъ. И рѣче князь печенѣжскыи Претичу: (3) «Буди ми другъ» (6476 / 968).

Во фрагменте За РШ 1.1 и РШ 1.2 обладают ИФ «оценочное суждение». При этом кн. Владимир произносит свое знаменитое изречение как ответ на рассказ о своей вере болгар-магометан; тем самым он дает им понять, что отказывает им, отвергая их веру. Таким образом, дополнительной ИФ данного КРХ является «отказ от предложения».

Во фрагменте Зб РШ 4.1, РШ 4.2 и РШ 4.3 обладают ИФ «сообщение о бывшем». При этом реплика, которую образуют эти РШ, представляет собой ответ на верификативный вопрос кн. Владимира. Рассказ хазарских евреев о произошедшем позволяет вывести импликацию «Бог рассеял нас по разным странам, а нашу землю отдал христианам => Мы живем не в том месте, о котором ты спрашиваешь». Таким образом, данный КРХ обладает дополнительной ИФ «опровержение предположения собеседника».

Во фрагменте Зв РШ 2.1 обладает ИФ «сообщение о будущем (предсказание)», а РШ 1.2 – ИФ «оценочное суждение». При этом реплика волхвов мотивирована словами Яня Вышатича, который обличает языческих «богов» во лжи. В свою очередь волхвы повторяют уже высказанное ранее предсказание своих «богов», тем самым опровергая слова воеводы. Дополнительной ИФ реплики волхвов является «опровержение точки зрения собеседника».

Та же дополнительная ИФ обнаруживается и у КРХ 2 во фрагменте Зг: произнося своя реплику, состоящую из РШ 2.1 с ИФ «сообщение о настоящем» и РШ 2.2 с ИФ «оценочное суждение», кн. Святополк высказывает мнение, противоположное мнению собеседника, и тем самым указывает на его неправоту.

Во фрагменте Зд РШ 2.1 обладает ИФ «сообщение о бывшем (напоминание)», РШ 2.2 – ИФ «сообщение о настоящем (констатация факта)». Св. Феодосий по сути не сообщает своим собеседникам ничего нового, однако пропозитивное содержание двух РШ явно противопоставляется и при этом вполне понятно, чей поступок в этом случае является правильным: настоятель преподносит урок братии, но делает это не напрямую. Таким образом, рассматриваемый КРХ обладает дополнительной ИФ «оценочное суждение-осуждение (упрек)».

Во фрагменте Зе РШ 2.1 обладает ИФ «сообщение о бывшем», РШ 2.2 – ИФ «сообщение о настоящем (сообщение о намерении)». Так же, как и в КРХ фрагмента Зд, пропозитивное содержание двух РШ противопоставляется, порождая дополнительную ИФ «оценочное суждение-осуждение». Помимо этого следует обратить внимание на то, что слова кн. Владимира представляют собой частичное повторение реплики киевлян, в которую вводится показатель персуазивности **понстинѣ**. Тем самым говорящий показывает, что он согласен с оценкой собеседника. Таким образом, рассматриваемый КРХ обладает еще одной дополнительной ИФ – «согласие с точкой зрения собеседника».

КРХ 2 фрагмента Зж организован сложнее, чем рассмотренные выше. Во фрагментах За–Зе все РШ выражены иллокутивно монофункциональными ПРА, в то время как в рассматриваемом КРХ РШ 2.1 является иллокутивно полифункциональным ПРА с ИФ «сообщение о настоящем» + «опровержение предположения собеседника». Все остальные РШ представляют собой иллокутивно монофункциональные ПРА: РШ 2.2 обладает ИФ «сообщение о бывшем (перфектное значение)», РШ 2.3 – ИФ «сообщение о настоящем». Соотнося пропозитивное содержание этих РШ, собеседник воеводы Претича должен был воспринять его реплику как угрозу, на что специально указывает летописец в пропозитивной части рамочной конструкции: «**Се же рче, грозда имъ**»⁵. Именно так она им и воспринимается: отвечая на слова Претича, печенежский князь предлагает тому заключить мир.

⁵ Характерно, что летописец «озвучивает» именно дополнительную ИФ «угроза», поясняя произнесение Претичем «лишних» слов: то, что РШ 2.1 свойственна дополнительная ИФ «опровержение предположения собеседника» и так понятно, исходя из структуры диалога.

Таким образом, все рассмотренные реактивные реплики содержат дополнительные ИФ, которые мотивированы предшествующей репликой собеседника. Данная ИФ свойственна КРХ в целом, единственное исключение представляет собой КРХ 2 фрагмента 3ж, которому свойственна своеобразная двойная полифункциональность: дополнительная ИФ «опровержение предположения собеседника», представляющая собой непосредственную реакцию на вопрос собеседника, связана с произнесением РШ 2.1. Этим шагом говорящий мог бы и ограничиться (если редуцировать реплику-высказывание до РШ 2.1, она трансформируется в реактивный элементарный речевой ход), но оказывается, что произнесение РШ 2.1 служит для него лишь отправной точкой для перехода к новому микродиалогу, в котором коммуникативной инициативой владеет уже он сам: Претич угрожает, а печенежский князь вынужден реагировать на его угрозу.

* * *

Особо следует сказать об одном инициальном КРХ, дополнительная ИФ которого устанавливается не на основе соотнесения РШ, а упоминается в рамочной конструкции.

(4) **Ѣгда же подопыхуться и начяху роптати на князѣ, гл҃це:** (1) «(1.1) **Зло есть нашимъ главамъ!** (1.2) **Да намъ гаси дребными лжицами, а не серебряными**». **И се слышавъ, Володимиръ повелѣ исковати лжици серебряны гаси дружинѣ** (6504 / 996).

Отличие этой реплики от рассмотренного выше КРХ 2 фрагмента 3ж состоит в том, что ее дополнительную ИФ невозможно было бы определить, если бы о ней не упомянул летописец⁶: в отсутствие слов автора «**начяху роптати на князѣ**» ГИФ КРХ 1 можно было бы свести к ИФ «оценочное суждение (сетование)» даже при упоминании последовавших действий кн. Владимира, восприняв их не как реакцию на упрек, а как проявление заботы.

Иначе следует оценить КРХ 1 во фрагменте 5.

(5) **Уде Улегѣ на сѣвѣры, и повѣди сѣверы, и възложи на нихъ дань легѣкѣ, и не дасть имъ козаромъ дани дагати, рекъ:** (1) «(1.1) **Азъ имъ противенъ,** (1.2) **а вамъ нечемъ**» (6392 / 884),

ГИФ реплики кн. Олега «призыв к действию (запрет)» невозможно определить в принципе, если не принять во внимание слова автора «**не дасть имъ козаромъ дани дагати**». Связано это с тем, что данная ГИФ не представляет собой дополнительную ИФ. По сути, препозитивная часть рамочной конструкции замещает одно из высказываний, которое, вероятно, произнес кн. Олег, но не озвучил летописец, ограничившись упоминанием его ИФ «призыв к действию (запрет)».

3. КРХ с общей иллокутивной функцией

В ПВЛ обнаруживаются КРХ, представляющие собой полипредикативные синтаксические конструкции (сложные предложения), части которых не образуют отдельных речевых шагов, поскольку в рамках данного речевого хода они не обладают «самостоятельными» ИФ⁷. При этом ГИФ подобных КРХ выводятся на основе логико-смыслового соотнесения пропозитивного содержания частей конструкций, которые строятся по определенной модели и регулярно используются для достижения определенной коммуникативной цели. Такие конструкции мы будем называть КРХ с общей иллокутивной функцией.

Так же, как и в рассмотренных выше случаях употребления КРХ с дополнительной иллокутивной функцией, существенно различается употребление инициальных и реактивных КРХ с общей иллокутивной функцией.

3.1. Инициальные КРХ с общей иллокутивной функцией. Подавляющее большинство таких конструкций представляют собой сложноподчиненные предложения с придаточным условия.

⁶ Дополнительная ИФ «угроза» КРХ 2 фрагмента 3ж определяется, даже если опустить слова автора «**Ѣже рче, грозѣ имъ**»: ее можно вывести, исходя из оценки релевантности произносимого, а также оценки ИФ ответной реплики печенежского князя.

⁷ Некоторые из этих ПЕ могут использовать автономно, образуя высказывания, но при этом они будут обладать ИФ отличными от тех, которые свойственны рассматриваемым нами КРХ. Так, синтагма 1.2 фрагмента 6а может быть использована с ИФ «сообщение о намерении», однако такое употребление не тождественно произнесению КРХ 1 с ИФ «сообщение о намерении при осуществлении условия»: говорящий преследует различные коммуникативные цели, в первом случае сообщая собеседнику новую информацию в рамках информативного диалога, во втором – стимулируя его к совершению действия в рамках прескриптивного диалога.

(б) (а) Половци же начаша налѣгати, штонмати воду, ѣзнемогати начаша оу городѣ людѣ жажою водною и гладомъ. І прислаша торъци къ къ Стѣполкъ, глѣще: (1) «(1.1) Аще не пришлеши брашна, (1.2) прѣдати ѣ имамъ». Стѣполкъ же пославъ (6601 / 1093), (б) В се же время придоша люде новѣгородьстии, просаще князѣ севѣ: (1) «(1.1) Аще не поидете к нам, (1.2) то налѣземъ князѣ севѣ». И рѣе к нимъ Стѣславъ: (2) «А вы кто к вам шелъ» (6478 / 970), (в) И нача Дѣдъ глѣти: (1) «(1.1) Аще не имеве Василка, (1.2) то ни товѣ княженга оу Киевѣ, (1.3) ни мнѣ Володимери». И послуша сего Стѣполкъ (6605 / 1097), (г) Дѣдъ же, се въвѣдавъ, нача повстривати на вслѣпленье: (1) «(1.1) Аще ли сего не створиши (1.2) и его пѣстиши, (1.3) тѣ ни товѣ княжити, (1.4) ни мнѣ». Стѣполкъ же хоташе пѣстити и (6605 / 1097), (д) И оудивишася, рекоша: (1) «(1.1) Не имѣтъ сему вѣры наши князи, (1.2) аще не гадать сами». И люде нальгаша корчагѣ цѣжа и сыты ѿ кладажа и вдаша печенѣгомъ (6505 / 997).

В большинстве случаев ИФ подобных реплик-высказываний, выводимая напрямую из их пропозитивного содержания, представляет собой «сообщение о намерении при осуществлении условия»: говорящий информирует о намерении совершить такое действие, осуществление которого приведет к ущербу для собеседника, если тот в свою очередь не совершит действия, называемого в условной части конструкции. Таким образом, собеседник должен воспринять КРХ говорящего как имеющий также ИФ «предостережение-угроза». В то же время говорящий сообщает, за счет чего собеседник может избежать ущерба: достаточно совершить действие, называемое в условной части. Следовательно, подобным высказываниям свойственна еще и ИФ «призыв к действию». Неудивительно, что в постпозитивной части речевой рамки указывается реакция собеседников именно на призыв к действию (ба: Стѣполкъ же пославъ; бб: И рѣе к нимъ Стѣславъ: «А вы кто к вам шелъ»; бв: И послуша сего Стѣполкъ; бг: Стѣполкъ же хоташе пѣстити и; бд: И люде нальгаша корчагѣ цѣжа и сыты ѿ кладажа и вдаша печенѣгомъ). На то, что в качестве главной ИФ таких КРХ признается «призыв к действию», указывает также и то, что именно ее может называть летописец в препозитивной части речевой рамки (бб: придоша <...> просаще князѣ севѣ; бг: Дѣдъ же <...> нача повстривати на вслѣпленье).

В некоторых случаях, для того чтобы повлиять на собеседника, говорящий прибегает к речевой тактике «солидаризации с адресатом»: он указывает на некие последствия развития ситуации, имеющие пагубный характер как для адресата, так и для самого говорящего. В этом случае условная часть может называть как индивидуальное действие собеседника, к совершению которого его призывают (см. РШ 1.1 во фрагменте бг), так и действие, которое говорящий и собеседник должны совершить совместно (см. РШ 1.1 во фрагменте бв). Прямой ИФ высказываний в этом случае становится «неблагоприятный прогноз при осуществлении условия», а выводимая ИФ «предостережение» теряет характер угрозы, даже если реплику произносит военный противник говорящего (см. КРХ 1 во фрагменте бд).

Характерно, что появление ИФ «призыв к действию» в подавляющем большинстве случаев связано с реализацией такого типа КРА, который чаще всего – в том числе и в современной русской речи – обнаруживается в вопросительных высказываниях: отрицательное суждение следует понимать как утвердительное, и наоборот (И нача Володарь молвити: «Почто, зло створивъ, не каешиса сего? <...>» (6605 / 1097): «Почему не каешься?» = «Покайся!»; И придоша въ градъ, и рекаша люде: «Почто гүбите себе? <...>» (6505 / 997): «Зачем вы губите себя?» = «Не губите себя!»). То же явление обнаруживается и в рассматриваемых примерах (ба: «Если не пришлешь брашна <...>» = «Пришли брашна!»; бб: «Если не поидите к нам <...>» = «Идите к нам!»; бв: «Если не схватим Василька <...>» = «Давай схватим Василька!»; бг: «Если не сделаешь этого и отпустишь его <...>» = «Сделай это, не отпускай его!»). Наиболее примечательным в этом отношении является КРХ 1 во фрагменте бд: условная часть с отрицанием «<...> аще не гадать сами» должна быть воспринята как «утвердительный» призыв к действию («Если не попробуют сами <...>» = «Пусть попробуют сами!»), при этом говорящий вербально не призывает адресата к какому-либо действию. Однако, оценивая релевантность произносимого, адресат понимает, что он должен принять меры к тому, чтобы вражеские князья получили возможность попробовать их «кормлюю ѿ земля». Именно поэтому «люде нальгаша корчагѣ цѣжа и сыты ѿ кладажа и вдаша печенѣгомъ».

Таким образом, рассматриваемые высказывания используются одновременно как ПРА и как КРА: как ПРА они реализуют ИФ «сообщение о намерении при осуществлении условия», как КРА – ИФ «призыв к действию» и – в большинстве случаев – ИФ «предостережение-угроза».

Следует обратить внимание на то, что количество ПЕ, составляющих подобные КРХ, может варьироваться. Чаще всего употребляются конструкции с двумя ПЕ (см. фрагменты ба, бб и бд), иногда встречаются конструкции, в которых главная часть (см. синтагмы 1.2 и 1.3 во фрагменте бв и синтагмы 1.3 и 1.4 во фрагменте бг) и/или придаточная часть (см. синтагмы 1.1 и 1.2 во фрагменте бг) включают две ПЕ. Однако одно остается неизменным: КРХ данного типа всегда являются бинарными, включающими главную и условную часть – любое «упрощение» данной структуры привело бы к потере ГИФ, свойственной КРХ.

(7) (а) **И на томъ цѣловаша хрестъ:** (1) «(1.1) Да аще ѿселѣ кто на кого встанеть, (2.2) то на того будемъ вси и честными крѣтъ» (6605 / 1097), (б) **И рече Болеславъ:** (1) «(1.1) Аще вы сего оукора вы не жалъ, (1.2) азъ единъ погивну». **И вьсѣдъ на конь, вьбреде в рѣкѣ, а по немь вон его** (6526 / 1018), (в) **Володимеру же се слыша, вьзрѣвъ на нѣво, и рече:** (1) «(1.1) Аще са сѣудеть се, (1.2) имамъ крѣтитиса» (6496 / 988), (г) **И нача Бѣды оукорати Болеслава, гла:** (1) «(1.1) Да что (1.2) ти пропоремъ трескою чрево твое толстое?» (6526 / 1018).

В некоторых случаях сочетание ИФ, свойственных данным конструкциям, выглядит несколько иначе.

Произнося КРХ 1 во фрагменте 7а, говорящие устанавливают определенную норму совместного поведения, не существовавшую до Любечского съезда. Таким образом, высказыванию свойственны ИФ «сообщение о намерении при осуществлении условия» + «институциональный акт» + «предостережение-угроза» + «призыв к действию».

КРХ 1 фрагмента 7б позволяет кн. Болеславу, высказав предположение о возможном отношении собеседника к ситуации, укорить его, указать на то, что оно является неподобающим. Данному высказыванию свойственны ИФ «сообщение о намерении при осуществлении условия» + «оценочное суждение-осуждение (укор)» + «призыв к действию».

КРХ 1 фрагмента 7в представляет собой не просто сообщение о намерении, но клятву кн. Владимира. При этом, в отличие от рассмотренных выше случаев, говорящий стремится к тому, чтобы ситуация, описываемая в условной части, осуществилась. Таким образом, ИФ «сообщение о желаемом событии» в данном случае не связана с описанным выше использованием высказывания в качестве КРА: «Если это сбудется <...>» должно восприниматься как «Пусть это сбудется!». Остальными ИФ высказывания являются «сообщение о намерении при осуществлении условия» и «перформатив (клятва)».

КРХ 1 фрагмента 7г значительно отличается от всех остальных своим формальным строением: если «восстанавливать» эту конструкцию при помощи средств современного русского языка, она будет звучать как «А что будет, если мы <...>?» В отличие от рассмотренных выше высказываний, используемых одновременно как ПРА и КРА, данный «вопрос» воспринимается исключительно как КРА, при этом оставаясь иллокутивно полифункциональным: с одной стороны, ему свойственна ИФ «оценочное суждение-осуждение (насмешка)» («Ты толстый, ни на что не годен»), а с другой – ИФ «оскорбление». То, что данное высказывание является оскорбительным, как раз-таки и использует «смысленный» кн. Болеслав, который своим словом, обращенным к воинам, и делом, его подкрепившим, заставил их устремиться на врага и одолеть его (см. 7б).

3.2. Реактивные КРХ с общей иллокутивной функцией. Рассматриваемые КРХ встречаются в ПВЛ значительно реже, чем инициальные, при этом им свойственна большая вариативность как в синтаксическом оформлении, так и в сочетаемости различных ИФ, составляющих ГИФ. Всех их объединяет то, что одна из их ИФ представляет собой непосредственную реакцию на высказывание собеседника.

(8) (а) **Внъ же не внимаше того, гла:** (1) «Како азъ хочю инъ законъ ѿдинъ азъ принати? А дружина моя сему смѣвати начну». **Вна же рече емю:** (2) «(2.1) Аще ты крѣтитиса, (2.2) вси иму то же твори». **Внъ же не послуша мѣри и твораше норovy поганьскыа** (6463 / 955), (б) **И рече Стѣславъ:** (1) «<...> Да не посрами^м земли Рускые, но лажемы костью тѣ, и мртѣвы во сорома не имаеть. <...> Аще моя глава лажеть, тоже промыслите ѿ себѣ». **И ркоша вон:** (2) «(2.1) Идеже глав^а твоя лажеть, (2.2) тѣ и главы наша сложи^м» (6479 / 971), (в) **По сем же Володимеръ посла послы своя по всему граду, гла:** (1) «Аще не вьбращеться кто заоутра на рѣцѣ, батъ ли, оубогъ, или нищъ, или работенъ, противникъ мнѣ да бѣдетъ». **И се слышавше, людье с радостью идаху, радующеся, и глаху:** (2) «(2.1) Аще бы се не добро было, (2.2) не бы сего князь и воари приали» (6496 / 988), (г) **И посла къ немѣ цѣрца, рекуще:** (1) «Аще хоцещи болезни сеа извыти, то вьскорѣ крѣтиса. <...>». **И си слышавъ, Володимеръ:** (2) «(2.1) Аще се

истина вѣдѣ^т, (2.2) поистѣнѣ великъ Бѣ крѣтъанескъ». И повелѣ крѣтитиса (6496 / 988), (д) И стоа Вльга лѣто цѣло, и не можаше взати города, и оумысли сице: посла к^ъ городу, ркѣши: (1) «Чего хощете достѣдѣти? <...> А вы хощете голодомъ измерети, не имѣчиса по дань». Деревляне же рькоша: (2) «(2.1) Ради выхомъ са гали по дань, (2.2) но хощеши мыщати мужа своего» (6454 / 946).

КРХ 2 фрагмента 8а представляет собой ответную реплику в диалоге, в ходе которого собеседники обмениваются мнениями. ИФ высказывания как ПРА является «благоприятный прогноз при осуществлении условия». Поскольку пропозитивное содержание суждения кн. Ольги противоположно высказанному сыном, оценка релевантности сказанного в данном типе диалога позволяет собеседнику определить ИФ «несогласие с мнением собеседника». Помимо этого КРХ 1 воспринимается и как «призыв к действию»: последовавшая невербальная реакция («**онъ же не послуша мѣри**») свидетельствует об отказе совершить действие, к которому призывают.

Все остальные КРХ 2 являются ответными репликами в прескриптивных диалогах, а потому в каждом из случаев обладают ИФ «отказ от совершения действия» (см. фрагмент 8б) или ИФ «согласие совершить действие» (см. фрагменты 8в, 8г и 8д). Помимо этого данным КРХ свойственны следующие ИФ:

фрагмент 8б – «перформатив (клятва)» (данное высказывание представляет собой КРА: воины сообщают не о возможном событии в будущем, а присягают кн. Святославу на верность);

фрагмент 8в – «оценочное суждение-похвала о событии в прошлом» (будучи формально сообщением о неосуществившемся событии в прошлом, данный КРА позволяет дать оценку событию, в действительности имевшему место);

фрагмент 8г – «оценочное суждение-похвала при осуществлении условия» (данное высказывание является ПРА). Следует обратить внимание на то, что летописец в этом случае указывает ИФ «согласие» также и в постпозитивной части рамочной конструкции («**и повелѣ крѣтитиса**»);

фрагмент 8д – «опасение» («согласие») древлян имеет условный характер, поскольку они опасаются возможных действий кн. Ольги).

Как мы видим, и в данном случае чаще других употребляются условные конструкции (фрагменты 8а, 8в и 8г), однако им – в отличие от инициальных КРХ с общей иллокутивной функцией – не свойственно обладание определенным «стандартным набором» ИФ, составляющих ГИФ. Связано это во многом с тем, что в них употребляются глагольные формы, выражающие различные модально-временные характеристики (8а: формы будущего времени; 8в: формы сослагательного наклонения; 8г: формы будущего и настоящего времени). В инициальных же условных конструкциях обнаруживаются только формы будущего времени. Таким образом, обнаруживается тесная связь между формально-грамматическим строем конструкций и их использованием в качестве коммуникативных единиц уровня высказывания в определенных типовых иллокутивных функциях.

4. Заключение

Анализ употребления в ПВЛ комплексных речевых ходов с дополнительными иллокутивными функциями и комплексных речевых ходов с общими иллокутивными функциями позволяет сделать следующие выводы:

1. Глобальная иллокутивная функция комплексного речевого хода не всегда сводится к сумме иллокутивных функций речевых шагов, его составляющих, а может включать некоторую дополнительную иллокутивную функцию.

2. Комплексный речевой ход может состоять из нескольких предикативных единиц, но не во всех случаях они могут быть оценены как речевые шаги: формально-синтаксическая и коммуникативная сегментация реплик-высказываний далеко не всегда совпадают.

3. Появление дополнительной иллокутивной функции определенного типа зависит от того, является ли реплика инициальной или реактивной. В первом случае ее появление связано с оценкой релевантности произносимого в данной коммуникативной ситуации и/или соотносением пропозитивного содержания предикативных единиц, составляющих комплексный речевой ход, во втором – с тем, что, произнося высказывание, говорящий выражает свое отношение к реплике, произнесенной собеседником. При этом реактивные реплики также способны обладать и дополнительными иллокутивными функциями, выводимыми из оценки релевантности произносимого и его пропозитивного содержания. Таким образом, степень иллокутивной полифункциональности у реактивных реплик, как правило, выше, чем у реплик инициальных.

4. Глобальные иллокутивные функции реактивных комплексных речевых ходов всегда включают в числе прочих иллокутивную функцию, связанную с типом диалога, в котором участвует говорящий (в информативном диалоге это «(не)согласие с мнением собеседника», в прескриптивном диалоге – «(не)согласие совершить действие, к которому призывает собеседник»).

5. Обнаруживается тесная связь между формально-грамматическим строем конструкции и теми иллокутивными функциями, в которых она используется. Например, чтобы призвать собеседника к совершению действия, древнерусский говорящий часто прибегает к угрозам, но обычно при этом не использует прямые речевые акты, а произносит полипредикативные конструкции, в условных частях которых в качестве косвенного речевого акта «замаскирован» призыв к действию. Таким образом, стремясь выразить определенное коммуникативное значение, говорящий использует именно те синтаксические конструкции, которые способны эти значения выразить. Иначе говоря, коммуникативное намерение определяет выбор используемой синтаксической формы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог. М., 2005.
2. Гаркуша А.А. Коммуникативная организация диалога художественного дискурса (на материале современной французской литературы): дис. ... канд. филол. наук. М., 2014.
3. Зернецкий П.В. Единицы речевой деятельности в диалогическом дискурсе // Языковое общение: единицы и регулятивы. Калинин, 1987.
4. Колоева Л.М. Единицы диалогической коммуникации (на материале английского языка). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2006.
5. Михайлов Л.М. Коммуникативная грамматика немецкого языка. М., 1994.
6. Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. Том второй. Ипатьевская летопись. Издание второе. СПб., 1908.
7. Савельев В.С. Древнерусские иллокутивно полифункциональные высказывания: сообщения о бывшем, настоящем и будущем (на материале «Повести временных лет») // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. М.: Изд-во Московского университета, 2016. № 2.

Поступила в редакцию 30.06.16

V.S. Savelyev

OLD RUSSIAN COMPLEX SPEECH TURNS WITH ADDITIONAL AND GENERAL ILLOCUTIONARY FUNCTIONS (EXEMPLIFIED BY *THE TALE OF BYGONE YEARS*)

The article analyzes two types of replica-statements found in the dialogic fragments of the old Russian chronicle *The Tale of Bygone Years*: complex speech turns, whose general illocutionary functions are not identical to the sum of illocutionary functions of speech moves (complex speech turns with additional illocutionary functions), and complex speech turns which are polypredicative structures parts of which have no illocutionary functions (complex speech turns with aggregate illocutionary functions). The article establishes some patterns in the use of complex speech turns in certain illocutionary functions related to the syntactic structure of their constructs and the place occupied by the replica in a dialogical fragment (initial replicas vs. reactive replicas), as well as their ability to be used as an illocutionary monofunctional and illocutionary polyfunctional statements. The author specifies the types of complex speech turns, which are used as direct or indirect acts of speech.

Keywords: old Russian discourse, complex speech turns.

Савельев Виктор Сергеевич,
кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1
E-mail: alfertinbox@mail.ru

Savelyev V.S. ,
Candidate of Philology, Associate Professor
Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
E-mail: alfertinbox@mail.ru